

Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика

Н. А. Нарочницкая*

65-летие Ялтинской конференции, этой эпохальной вехи мировой истории, мир встречает многозначительным молчанием. Официальные лица на Западе сдержанны и, будто бы испытывая некоторую неловкость, предпочитают обходить это событие. Да, на него вынужденно ссылаются как на политический акт в определенных исторических обстоятельствах, но спешат подчеркнуть, что мир и, особенно, Европа кардинально изменились.

В иных столицах уже давно считается политкорректным реабилитировать и даже прославлять гитлеровских коллаборационистов. В общественном сознании и в политике СМИ очевидна тенденция к демонизации СССР для развенчания его Великой Победы во Второй мировой войне и к избавлению Запада от вины за порожденный им нацизм. Некоторые идеологи даже пытаются утверждать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого является СССР сталинского периода, гитлеровский же рейх — всего лишь тусклое его подобие.

История всегда подвергалась сложной и противоречивой интерпретации, однако еще никогда ее не превращали в инструмент политики столь цинично. Извращение, а порой и прямая фальсификация истории, продиктованы политической задачей — поменять значение и смысл Второй мировой войны. Будто бы эта была не война за геополитические пространства, имевшая аналоги в прошлом и отражения в будущем. Будто бы жертвенная борьба шла не за историческое существование народов, а исключительно за торжество «американской демократии». Не случайно в общественное сознание и Запада, и России внедряются представления о тождестве гитлеровского рейха и сталинского СССР, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за достижение мирового господства.

В русле такой концепции Ялтинско-потсдамскую систему следовало сначала объявить устаревшим реликтом доктрины баланса сил, а затем — промежуточным итогом борьбы двух равно отвратительных тоталитарных режимов: Запад вынужден был временно смириться с одним из них, чтобы сначала разгромить другого, а потом в течение полувека ослаблять и разрушать прежнего союзника.

Собственно говоря, именно такие слова сорвались с уст президента США Джорджа Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты». Симптоматично, что не только в России, но и на Западе это высказывание предпочли не заметить, не комментировать и даже, похоже, опустить в изложениях «эпохальной» речи. Однако в этом высказывании — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете на протяжении всего XX столетия. В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» буквально означает: «Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».

Не будем следовать политической моде и сравнивать цели других членов антигитлеровской коалиции с устремлениями Гитлера. Однако трудно удержаться от комментария: слова Буша — прекрасное подтверждение очевидного: все, что не удалось немцам за две мировые войны, успешно осуществили англосаксы к концу XX века. Не говоря уже о том, что карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911 года, по которой кайзеровская Германия устремлялась на восток, мечтая об Украине, Кавказе, Прибалтике, контроле над Черным морем...

Все это свидетельствует о том, что на самом деле мир мало изменился — им движут преемственные геополитические интересы. И чтобы понять,

* Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

насколько процессы начала XXI столетия являются проявлением чисто современных явлений, а насколько они суть продолжение извечных и постоянных устремлений, весьма полезно вновь и вновь анализировать эпохальные решения Ялты. Новое, с высоты сегодняшнего опыта, осмысление всего геополитического контекста и рисунка, согласованного победителями фашизма, актуально отнюдь не только для историков. Ялтинские переговоры как в капле воды отразили не только квинтэссенцию довоенной геополитики, но и программу нового передела мира, свидетелем которого стал рубеж XX—XXI веков.

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама было восстановление фактического преемства СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это, в свою очередь, определило неизбежность «холодного» противодействия результатам победы, восстановившим на месте Великой России силу, способную сдерживать устремления Запада. Сегодня все усиливающееся геополитическое давление испытывает на себе уже некоммунистическая Россия.

Симптоматично, что через 65 лет переоцениваются и перечеркиваются именно те итоги Ялты, которые были благоприятны для СССР — те, что были оплачены жертвенной борьбой советского народа с гитлеровской агрессией. О какой демократии в Европе, о каком Европейском союзе говорили бы сегодня, если многие восточноевропейские народы превратились бы в сырье для чужого проекта без собственного языка и культуры?

Подвергается сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но не измененная в пользу Франции итало-французская граница или передача Додеканесских островов Греции (не состоявшиеся бы без согласия СССР, хотя в Греции Британией были приведены к власти воинствующие антикоммунистические силы). Возвращение территорий, утраченных нашей страной в ходе революции и иностранной интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, вообще никогда не бывших в их составе, никаких сомнений не вызывают.

Важность осмысления и изучения всей подготовки к Ялтинской конференции не сводится к уточнению деталей переговоров и позиций о послевоенном устройстве. Хотя публикация новых документов позволяет удостовериться в тех или иных смыслах и лучше понять порой противоречивые официальные заявления сторон.

Речь идет о наивысшей точке взаимодействия СССР, США и Великобритании. Это было взаимодействие государств, которые объективно сделали системообразующими элементами любой архитектуры международных отношений, сохраняя свои

имманентные особенности и импульс к исторической инициативе. После краха «kozyревских» химер о «вступлении в мировое цивилизованное сообщество» эта неизменность ролей стала очевидной и в мире, провозглашенном «единым».

Сразу по завершении «холодной войны» С. Хантингтон первым из маститых политологов Запада указал на объективный характер соперничества после краха коммунизма. Идеологическое противоборство между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом было дискуссией в рамках философии прогресса. Возрождение исторического лица России делает ее представителем иного конкурентоспособного мирового проекта.

В годы войны союзники по антигитлеровской коалиции пошли на компромиссы, не скрывая политических расхождений. Они выработали модус вивенди и добились относительного равновесия, которое, вопреки мифам сегодняшнего дня, удержало мир в относительной стабильности пятьдесят лет. Побудительным мотивом к этому шагу был не только факт нового соотношения сил и военные рубежи, на которые вышли партнеры, но и осознанная необходимость согласия перед лицом глобального вызова. Тогда это был гитлеровский проект и накопленная им мощь, уже подчинившая Европу, но разбившаяся о твердыню нашей национально-государственной воли и готовность к самопожертвованию.

Однако разве мир не стоит перед глобальными вызовами сегодня? Они иные, но не менее драматичные, а главное, трудно предотвратимые. Уже при жизни одного поколения возможны невиданные радикальные перемены в демографическом балансе цивилизаций. Огромные, слабо сдерживаемые демократическими институтами миграционные потоки приведут к сотрясению либеральных западных обществ. Начавшееся перемещение динамического развития в Азию изменит к середине XXI века соотношение сил в мире. Произойдут глобальные перемены технологического, климатического характера, что может совершенно изменить ход борьбы за источники сырья и пресную воду. Вряд ли можно ожидать искоренения терроризма, ибо одна из его подлинных пружин, о которой предпочитают не говорить, — это вызов глобальному управлению.

Очевидно, что не только отношения США — Россия, но и сам тип международных подходов начала XX века нуждаются в «перезагрузке». Разумеется, озвученная Б. Обамой формула только для наивных означает отказ от интересов, толкавших США на передел мира в 1990-е годы. Но «перезагрузка» может и должна означать зрелую сдержанность и способность к политике, ориентированной на принципиально новое будущее, в котором без России невозможно будет выстроить равновесие в треугольнике США — Европа — Азия (прежде всего, Китай и Индия).

Влиятельные умы на Западе никогда не сводили «холодную войну» к борьбе тоталитаризма

и демократии. Тем более эта парадигма не подходит для объяснения «атлантической» стратегии в Восточной Европе в 1990-х годах или развернувшегося в первый год нового тысячелетия грандиозного евразийского проекта США с попыткой отождествить свои интересы со вселенскими моральными канонами и установить «глобальное управление» миром.

Общество и на Западе, и на Востоке весьма слышано о «всемирных» претензиях коммунистического проекта, но предпочитает не замечать амбиции либерального проекта, который с троцкистским пафосом возвещает мировую либеральную революцию и приведение мира к единому образцу. Размышляя о всемирных претензиях Запада, А. Тойнби еще несколько десятилетий назад заметил: «Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным... Таким образом, современное столкновение... глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних»¹.

Зб. Бжезинский еще в начале 1970-х годов отметил, что противостояние крупных наций объективно и лишь отчасти объясняется их разным идеологическим и политическим строем: «Коммунистическая Америка со всей вероятностью осталась бы соперником Советского Союза, каковым сразу стал коммунистический Китай. Так и демократический и развивающийся Советский Союз с его размерами и мощью стал бы куда более серьезным соперником для Соединенных Штатов, чем сегодняшняя советская система в ее состоянии бюрократического застоя и идеологической косности»².

Исторически государство Российское сформировалось как важнейший фактор баланса не только государств, но и цивилизаций. Без России вряд ли удастся найти устойчивое равновесие между старыми и новыми центрами силы: евро-атлантическим, исламским и китайским.

Осмыслит ли новый этап в исторических параметрах новая Администрация США или продолжит выстраивать «однополярный мир», проявит ли президент Обама прагматизм Рузвельта или его «мягкая сила» окажется на поверку доктриной Трумэна — это и будет проверка «перезагрузки».

Ялта и контр-Ялта родились одновременно

Осмысление ялтинской эпопеи возможно лишь на широком панорамном фоне. Ялтинские решения есть тонкое равновесие компромиссов, где будущая борьба прежних союзников уже витала в воздухе, вбирая в себя все, что пришлось отложить ради скорейшего достижения победы.

Документы и обстоятельства самих ялтинских переговоров и бесед, дипломатические намеки важны до последней детали, но не менее важен исторический контекст этого саммита. Ибо и дух Ялты, и дух «контр-Ялты» родились одновременно. Начавшаяся сразу после Потсдама «холодная война» может быть понята лишь с учетом закулисных разработок задолго до 1945 года.

Самого пристального внимания заслуживает скрытая до сих пор от общественности борьба по Уставу будущей ООН в 1944 году, где США и Британия стремились отойти от принципов классического суверенитета и создать нечто вроде мирового правительства³. Примечательна и полная смена вех у Британии. В конце 1944 года она напрочь отказалась от линии, очевидной еще 1943 году: навсегда сдерживать Германию с помощью СССР или даже фрагментировать ее. На смену прежней стратегии теперь пришел «фултонский» синдром. Борьба против новоприобретенных позиций СССР началась еще до того, как они были признаны де-факто и де-юре, а равновесие в регионе проливов Черчилль упорно не желал даже обсуждать с СССР ни в Тегеране, ни в Ялте, ни в Потсдаме. Не без торга согласовывались послевоенные границы в Восточной Европе.

Подлинное понимание внешнеполитических мотиваций и устремлений партнера достигается не только изучением официальных документов и даже откровенных секретных бесед. Важное значение имеет доступ к закрытым концептуальным разработкам внешнеполитических ведомств и органов выработки решений. Именно они дают представление о том, как партнер видит параметры своей безопасности в новых геополитических реалиях и какие изменения для него допустимы.

Подобные разработки, погружая в контекст интересов и подходов, которые сформировались в предыдущие годы и менялись по мере приближения победы, — лучшее свидетельство непрерывности и преемственности. Знакомство с закулисными приготовлениями каждого из партнеров, с их видением мира позволяет обнаружить истоки последующего периода — так называемой «холодной войны». Более того, изучение геополитического рисунка Ялты, позиций участников позволяет понять процессы, перевернувшие прежнее мироустройство на рубеже XX–XXI веков. Публикуемые ниже документы дают нам такую уникальную возможность.

Основными узлами геополитической конфигурации послевоенного мира, окончательно закрепленными в Ялте и на Потсдамской конференции, были те самые геополитические точки, которые и за столетия до Второй мировой войны, и в настоящее время немедленно реагируют на любое изменение в соотношении сил. Именно по этим направлениям шло наступление кайзеровской и гитлеровской Германии в двух мировых войнах. Именно эти регионы стали объектом давления, а затем и контроля США и НАТО

после крушения СССР. Это Прибалтика, Балканы, Дунайский регион и стратегический контроль над Средиземноморьем и Проливами; Восточная Европа, где всегда первым возникает «польский вопрос». Польская тема звучит на секретных переговорах и в Москве, и в Ялте. Кстати, нынешней Варшаве полезно понять истинную цену «польской карты» в глазах Запада и избавиться от роли служебного инструмента в чужих руках, направленного против России.

Разрабатываемые в недрах внешнеполитических ведомств США и Британии проекты послевоенной конфигурации мира существенно менялись в 1942–1944 годах, поскольку менялась оценка потенциальной сферы влияния СССР. В британских проектах, судя по документам разведки, к 1945 году уже вырастает план «холодной войны» вне зависимости от потенциально-го поведения СССР в отношении Западной Европы.

Достаточно сравнить несколько документов: меморандум министра иностранных дел Великобритании А. Идена от 28 января 1942 года, переписку с Иденом английского представителя при Временном правительстве Франции Д. Купера от 25 июля 1944 года и, наконец, доклад (меморандум) штаба военного планирования при Комитете начальников штабов Великобритании «Безопасность Британской империи» от 29 июня 1945 года⁴. Последний документ был положен на стол Сталину 6 ноября 1945 года за несколько месяцев до Фултонской речи У. Черчилля. Страх Лондона перед мощной Германией и проекты послевоенного сотрудничества с СССР сменяются задачей подорвать его позиции как главного геополитического соперника⁵.

В меморандуме 1942 года Иден оценивает идею создания западноевропейского блока как контрпродуктивную. Примечательно, что тогда закрепление западных границ СССР на 1941 год в Форин-офисе считали совершенно естественным итогом войны. Более того, Иден расценивает такие условия как весьма умеренные, полагая правомерным со стороны СССР претендовать на большее — «контроль над Дарданеллами... доступ к Персидскому заливу и Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории». В откровенной записке нет и тени сомнения в легитимности территории СССР: «Он требует только того, что уже являлось русской территорией», «Прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР», а «финская и румынская территория были предоставлены Советскому Союзу по договорам, законно заключенным с Финляндией и Румынией».

Через два года, когда исход войны был уже ясен, упомянутый Д. Купер разбирает возможности британской политики уже «для предотвращения господства СССР на европейском континенте», для чего одним из средств могло бы стать создание западноевропейского блока с упором на потенциально «могучую Польшу», которая, «помимо ненависти к России»... является единственным фактором, от-

деляющим Россию от Германии». Эти рассуждения вполне вписываются в англосаксонскую идею фикс — создание под своим контролем яруса государств между Германией и Россией. Такая схема гораздо ближе к геополитическому видению мира, которое ярко проявилось в давлении на одряхлевший СССР и на Россию 90-х годов XX века.

Спонсоры потенциально «могучей» Польши сдали ее на Ялтинской конференции полностью, откровенно предлагая лишь позволить им «соблюсти лицо». Такое циничное отношение демонстрировалось не впервые. Беседа И. Сталина с У. Черчиллем от 14 октября 1944 года в ходе визита У. Черчилля и А. Идена в Москву начинается с оправданий Черчилля перед Сталиным: «Он упорно работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. Трудность состоит в том, что поляки хотят оставить за собой формальное право защищать свое дело на мирной конференции. Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это». Черчилль добивался от поляков согласия с тем, что союзники не собираются давать им голос на мирной конференции, ибо польский вопрос планировали обсудить вовсе без поляков не только «плохой» Сталин, но и «добрый» Черчилль.

И в доялтинских документах, и на переговорах в Ялте⁶ очевидна задача союзников не омрачать такой «безделицей», как Польша, переговоры по куда более важным вопросам. При этом надо было еще скрыть фарисейство от общественности, ибо, «если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред президенту на выборах». «Поэтому он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США». Сталин предлагал в качестве основы польской границы «линию Керзона», что Черчилля вполне устраивало. Он лишь докладывал Сталину, что «поляки были бы готовы принять документ, если бы было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но все же протестовали против нее». «Это не подходит», — невозмутимо отверг Сталин, и беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство полностью сочувствует желанию маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши»⁷. Точно так же Черчилль и Рузвельт сдали Польшу и в Ялте, о чем говорят публикуемые переговоры по польской теме.

Поворот Черчилля от союзнических отношений с СССР был предreshен, но он вытекал вовсе не из идеологии, а из принципиально изменившейся геополитической архитектуры Европы. Нерушимая традиция Британии — препятствовать превращению любой континентальной державы в доминирующий центр влияния.

Было бы наивно полагать, что до получения документальных свидетельств о грядущем повороте англосаксонской политики или до начавшейся дипломатической войны за плоды победы, советское руководство не отдавало себе отчет, с кем в качестве соперника придется иметь дело в послевоенном мире. *К Ялте все союзники пришли с четким пониманием, что они рисуют послевоенный мир, вокруг которого тут же сами воздвигнут стены.*

Рассекреченные архивы демонстрируют понимание геополитических закономерностей международных отношений. С самого начала войны, когда гитлеровский вермахт еще угрожающими темпами продвигался в глубь России, в советском внешнеполитическом ведомстве также анализировались возможные территориальные конфигурации послевоенного устройства. Эти проекты демонстрируют полное осознание того, что после войны СССР станет главным противником именно для англосаксонских стран.

Уже 26 декабря 1941 года С. Лозовский пишет записку Сталину о создании комиссии «по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы», подчеркивая необходимость начать подготовку мирной конференции, «задачи которой будут гораздо сложнее Парижской мирной конференции, собравшейся после разгрома Германии в войне 1914–1918 годов», ибо «мы будем иметь против себя... не только блок Соединенных Штатов и Великобритании, но и другие капиталистические страны, которые вместе будут, прежде всего, заботиться об удержании Советского Союза, во что бы то ни стало в старых границах до 1939 года». Поскольку «Рузвельт и Черчилль уже объявили программу будущего устройства Европы и всего мира» (Атлантическая хартия), Лозовский считает необходимым «тоже заняться, хотя бы в предварительном порядке, подготовкой будущего мира»⁸. Судя по архивам, в Кремле на том этапе не придавали слишком большого значения предварительным разработкам, полагая, что многое будет зависеть от положения союзных войск к концу войны.

Тем более заслуживает внимания аналитическая записка с перечнем вопросов для будущей мирной конференции, представленная М. Литвиновым 9 сентября 1943 года. В ряде тем автор прямо ссылается на Атлантическую хартию и довольно явственно следует в фарватере давних британских целей в отношении Германии. Так, он вслед за британцами отказывается признать геополитическое понятие «Mitteleuropa» — Центральная Европа. Приложение к его записке в самом заглавии формулирует вождевленную цель британской геополитики: «Различные варианты расчленения послеверсальской Германии». Причем речь идет не о гитлеровском рейхе и его завоеваниях, а об исторической Германии. Литвинов же сформулировал «Вопросы международных союзов и блоков в Европе», где перечислил возможные конфигурации, полностью соответствующие британскому видению послевоенного мира.

Литвинов, конечно же, личность во многом загадочная, и многие не без оснований считали его английским «лобби». Он имел прочные связи в англосаксонском мире. Еще в годы Первой мировой большевики направили его в США работать на поражение России в «империалистической» войне. Затем долгие годы он находился у руля внешней политики СССР. Роль его в международных делах может быть всесторонне оценена после более полного изучения его архивов.

В отличие от Литвинова, И. М. Майский в записке В. Молотову «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 года полагает «раздробление Германии на ряд более или менее независимых государственных образований» полезным лишь на определенное время, и только для того, чтобы «перспективное преодоление раздела обезвредило немцев надолго». Тон записки отражает скорее конкретные задачи безопасности СССР на 10–30 лет, за которые СССР должен стать «настолько могущественным, что ему уже больше не могла быть страшна никакая агрессия».

Заметно, что все записки исходят вовсе не из идеи безудержной экспансии в Западную Европу, в чем часто сегодня обвиняют советскую внешнюю политику, а, наоборот, из задачи установить с партнерами по антигитлеровской коалиции прочный модус вивенди. Так и Майский ориентируется на «компромисс» с Англией в балканских делах, предлагая не вмешиваться в дела Греции, в которой СССР «заинтересован гораздо меньше», чем Англия.

Сравнивая США и Англию, Майский видит предпосылки для особенно широкой экспансии США в различных концах мира и в Европе. Англия, вынужденная «платить за американские миноносцы базами и территориями», полагает он, попадет в зависимость от США и в остальном мире «будет стремиться сохранить то, что у нее уже есть». Майский возлагает надежды на противоречия и конкуренцию между западными странами и на заинтересованность в экономических отношениях с СССР, что проявилось в общем выводе о возможности «дружественных отношений с США и Англией»⁹.

Такой подход, вытекающий из ленинской доктрины обострения межимпериалистических противоречий, был свойствен всем кремлевским аналитикам как из дореволюционной образованной среды, так и из новой когорты, которую некоторые историки называют «сталинским» призывом, — В. Молотова, А. Громыко. И определенные основы для оптимизма у них имелись. Напомним переписку Купера с Иденом, которая показывает, что идеи прагматичного англо-советского сотрудничества были не чужды и британскому Форин-офису...

После 1944 года планы послевоенного устройства, изложенные в документе «Безопасность Британской империи», открывают новый период истории XX века, известный как «холодная война». Будучи ди-

рективой Министерству иностранных дел и военным министерствам Великобритании, доклад официально называл СССР главным противником и намечал ряд военно-политических мероприятий, которые позднее с удивительной точностью были реализованы, а именно: «установление особых отношений» с США, прочно обосновавшимися в Западной Европе, создание блоков НАТО, СЕНТО и СЕАТО и сети военных баз по всему миру.

Учитывая излюбленную стратегию англосаксонских сил на евроазиатском пространстве, нетрудно себе представить, насколько противоречило их задачам возросшее могущество СССР, расширение сферы его политического и военного контроля. Еще в начале войны американский Совет по международным отношениям предлагал выстроить от Балтики до Черного моря «буфер между тевтонами и славянами»¹⁰, неподконтрольный ни Германии, ни России. Теперь же вместо яруса подконтрольных США государств ялтинско-потсдамские решения оформили Восточную Европу как зону безопасности, а значит, и контроля СССР.

В кабинетах Вашингтона весьма прагматически и без демагогии о «нации-искупительнице» и «знаменосце свободы» анализировали новое соотношение сил и новые геополитические реальности. Секретная разработка Госдепартамента США от 16 февраля 1944 года посвящена сравнительному анализу геополитических устремлений Германии, Японии и СССР, их конфликту с интересами США, которые по-прежнему экстраполировали на Восточное полушарие доктрину Монро.

Разработка интерпретирует доктрину Монро как вариант геополитического мышления, превращающего «большие пространства» в зоны своего решающего политического влияния. Откровенная германская экспансия, не говоря уже об азиатских и дальневосточных аппетитах Японии, всегда вызывали тревогу в Вашингтоне. После краха завоевательных походов стран Оси¹¹ главным препятствием к реализации доктрины оказывалась советская концепция «дружественной» Восточной Европы. Хотя авторы указанной разработки декларативно признают за другими государствами право на зоны влияния, стремление России–СССР к «зоне безопасности» вдоль своих границ выглядело для США некоей узурпацией. Их неприятие чужих претензий на зоны преимущественного контроля совершенно очевидно. Это дозволялось единственной державе, призванной управлять миром, — США.

Сегодня Америка преподает Вторую мировую войну и свое в ней участие как святую борьбу за демократические ценности. На деле вступление США в войну было продиктовано стремлением не допустить неограниченного или преимущественного господства какой-либо силы, независимо от ее характера.

Любопытно, что разработка откровенно признает идентичность доктрины Монро и немецкой

доктрины «Grossraum». Мы не встретим здесь осуждения ни нацизма, ни тезиса о природной неравнородности людей и наций. Даже гитлеровский план подчинения Европы, от Гибралтара до Урала, от Норвегии до Северной Африки, именуется просто и откровенно «нацистской доктриной Монро» (!) и разбирается как родственный тип геополитической концепции. Каковы бы ни были идеологические и философские обоснования и средства реализации доктрин «Grossraum» и Монро, объединяет их одно: стремление к господству над миром или значительной его частью.

Сравнивая американскую и гитлеровскую концепции «Америка для американцев» и «Европа для европейцев» (сейчас мало кто знает, что идея единой Европы принадлежала Гитлеру и Муссолини!¹²), автор указывает, что «нацистская доктрина Монро» предполагает огромный район, управляемый господствующим народом, обосновывающим это «естественным правом»... Возражение вызывает только тот факт, что для Гитлера «международное право теряет свое значение и означает узаконивание прав рейха править по усмотрению. Такой Гроссраум экспансивно динамичен и отвергает границы».

В отличие от него, американская доктрина Монро — продукт либеральной идеологии, и ее последующее использование объективно обуславливалось преобладанием таких же или подобных направлений либеральной политической мысли в капиталистических странах». В противоположность немецкой и японской доктрине Монро американский вариант «не является доктриной господства, но доктриной равенства и покровительства независимости» (очевидно, от любых держав, кроме США). Автор отмечает как отступление от идеологии тот факт, что нередко «США признавали режимы, отклонявшиеся от американской республики, если они контролировали территорию и выполняли международные обязательства». Он как бы извиняется, что США не совсем строго «охраняли» зону доктрины Монро, соблюдая (о милость!) принцип невмешательства во внутренние дела государств и обществ.

Признавая «частичную справедливость» критики в отношении доктрины Монро как инструмента господства, автор оправдывается, что США лишь «умеренно и ограниченно использовали ее, и это было благоприятно по сравнению с использованием этой доктрины Германией, Японией и Россией при одинаковых обстоятельствах». Доктрина по-прежнему существует как односторонняя политика... как политика в резерве, как «гуз в руке», который может быть использован в случае необходимости», поскольку «основной целью доктрины всегда была защита собственной национальной государственной безопасности». Поясним, что под «тузом в руке» подразумевается возможность военного вмешательства за пределами своей территории, как это произошло в Гренаде в 1980-е годы.

Наконец, приведем еще одно откровенное суждение. Сколько бы идеологи второй половины и особенно конца XX века ни пытались восславить американскую политику как синоним вселенских моральных ценностей и вершину мировой политической культуры и демократии, внутри Государственного департамента США откровенно признавалось, что сдержанность в использовании доктрины Монро и однотипных концепций в прошлом *«объясняется лишь более высокими стандартами международной морали, господствовавшей в девятнадцатом веке»*.

В записке подтверждается непризнание Соединенными Штатами чьих-либо доктрин «больших пространств», кроме собственной, на примере отношения к амбициям Токио. Япония, мотивируя свои претензии признанием главенствующего положения США в Западной полушарии и верховенства гитлеровской Германии в Европе, настаивала, что «другие правительства должны признать особое положение Японии на Дальнем Востоке». В 1933 году в Ассамблее Лиги Наций японская делегация официально заявила, что «Япония несет ответственность за сохранение мира и порядка на Дальнем Востоке», а в 1938 году объявила о новом порядке в Восточной Азии. В связи с этим в американской секретной аналитической разработке причиной войны между Японией и США названо именно «категорическое непризнание Вашингтоном выдвижения «японской доктрины Монро — «японского Гроссраум»».

Самое интересное в записке — это прогноз будущей политики СССР и его устремлений. Для современного читателя, привыкшего к тезису об агрессивности сталинского режима и его вине за конфронтацию после Ялты, он выглядит сюрпризом. Сфера безопасности СССР после войны признается естественной и правомерной. Более того, в Госдепе США за СССР не замечали всемирных амбиций: «Хотя основные принципы стратегии и тактики ленинизма-сталинизма являются универсальными по своему характеру, в практике они действуют лишь в зоне безопасности Советского Союза». Новая европейская геополитическая стратегия СССР признается естественной: «По причинам укрепления своей военной безопасности и расширения своих выходов в море Советский Союз ощущает прямую заинтересованность в государствах Центрально-Восточной Европы (Финляндия, Латвия, Эстония, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Албания и Греция) и в Турции, Иране и Афганистане. Преследуя эту безопасность, Советское правительство заявило о своем намерении предупредить превращение пограничных государств в будущем в базу агрессии против Советского Союза». Авторы анализа считают само собой разумеющимся, что «Советский Союз естественно возражает против создания «санитарного кордона» в районе, идущем вдоль его границ, иначе как только под его собственным покровительством против любой другой великой

державы. Советское правительство выразило свое желание создать «дружественные» правительства в Центрально-Восточной Европе». Новая советская концепция, очищенная от идеологического обоснования, и «только в том смысле, что она относится к зоне безопасности Советского Союза», «может быть сравнена с американской доктриной Монро».

Аналитики Государственного департамента ставят единственный вопрос: можно ли считать регион Восточной Европы пределом «советского Гроссраум» и не будет ли целью СССР постоянное его расширение, что можно подозревать в силу «его военной мощи, экономического потенциала и тоталитарной философии». Подобное сомнение, поскольку «нет никаких ясных показателей на пределы этого района, внутри которого советская политика должна быть решающей», со стороны американцев вполне закономерно и оправданно. Но это всего лишь сомнение, не подкрепленное никакими доводами и фактами.

Весьма примечательно, что разработка, не содержащая никаких секретных данных, но грозившая своим прагматическим подходом подорвать доверие к пафосу Атлантической хартии, циркулировала под грифом «Совершенно секретно. Из Государственного департамента не выносить»¹³.

В годы «холодной войны» и после нее стало привычным слышать об агрессивных планах СССР, который якобы всегда стремился расширить зону, очерченную Ялтой и закрепленную в Потсдаме. Такие обвинения не подтверждаются ничем, кроме, пожалуй, весьма резкого тона советской пропаганды.

Поняв, что СССР — это геополитический гигант со всеми присущими такому феномену свойствами, США уже при Трумэне, то есть через считанные месяцы после Ялты, приняли стратегию всемерного сдерживания. Западная Европа превращалась в их главный форпост и опору. Геополитические очертания «зоны безопасности» на Тихом океане сформировались еще в начале XX века. Как только ощущалась угроза интересам США, немедленно принимались меры — интервенция на Дальнем Востоке и бдительная забота о судьбе Транссибирской магистрали. Теперь же, чтобы создать надежный плацдарм в Азии, США постарались не допустить перехода Корейского полуострова под стратегический контроль коммунистического Китая.

Уже на первом этапе «холодной войны» англо-американские стратеги приступили к реализации тайных планов, готовившихся в тени Атлантической хартии и Ялтинских соглашений с СССР. Ужесточившаяся внешняя политика открыто следовала требованиям прагматики. Выпущенный ограниченным тиражом сборник аналитических разработок, рассекреченных в 1990-е годы, не содержит витийств о коммунистическом мессианизме. СССР рассматривается исключительно как геополитическая и военная величина, а коммунистическая идеология — как способ оправдания потенциальной экспансии. Отме-

чена также способность «тоталитарного государства» быстрее мобилизовать экономический и социальный потенциал на нужды войны.

В документе «Возможности и намерения Советов» от 15 ноября 1950 года цели СССР сведены к семи основополагающим:

- а) сохранить контроль Кремля над народами Советского Союза;
- б) укрепить экономические и военные позиции и оборонять территорию Советского Союза;
- в) консолидировать контроль над европейскими и азиатскими сателлитами;
- г) обезопасить стратегические подступы к Советскому Союзу и предотвратить создание в Европе и Азии сил, способных угрожать советским позициям;
- д) устранить влияние США в Европе и Азии;
- е) установить советское доминирование над Европой и Азией;
- ж) ослабить и разложить несоветский мир в целом, особенно подорвать позиции и влияние США¹⁴.

Авторы полагают в высшей степени вероятным, что для достижения последних трех целей СССР готов пойти на всеобщую войну и ищет для этого удобный момент. То же самое советские ведомства говорили о США.

В самом начале 1950-х годов усиленно строился Североатлантический блок, повышалась мобилизационная готовность, пока «значительно уступающая советской», хотя «экономический и военный потенциал Запада в целом значительно превышал советский». По оценкам ЦРУ, пик неблагоприятного сочетания факторов для позиции силы Запада приходился как раз на 1950–1951-е годы. Однако силовые и разведывательные ведомства всегда преувеличивают угрозы. Что же думали о них американские аналитики?

Современная публицистика, отбросившая классовый подход советской историографии, с готовностью восприняла клише, будто необузданные амбиции сталинского СССР, не удовлетворенного «захватом» всего лишь Восточной Европы, стали главной причиной «холодной войны». Действительно, поддержка и финансирование коммунистических и рабочих партий в Западной Европе неоспоримы. Не отменялась в теории идея неизбежной мировой революции, которая должна была в итоге привести к своеобразному «концу истории» и глобализации на основе коммунистического эгалитаризма. Все это прямо вытекало из марксистско-ленинской теории и исторического материализма. «Главное содержание эпохи» определялось в советской доктрине как «переход от капитализма к социализму», а роль СССР в этом историческом процессе выглядела безусловно мессиански.

Однако мессианская пропаганда и мотивация внешней политики — далеко не то же самое, что реальный импульс в международных отношениях. Подобное моделирование явно страдает недо-

статком материальных подтверждений. Разумеется, СССР поддерживал любые социальные процессы, дестабилизирующие «капиталистические страны» и осложняющие общественный консенсус в пользу американской гегемонии. Однако такова политика всех государств. И это отнюдь не подтверждает завоевательных планов или намерений, тем более что они означали бы полномасштабную войну с США с их атомной бомбой и провозглашенной «решимостью остаться навсегда в Европе».

Неожиданные откровения Бжезинского

Любопытную оценку двадцатипятилетней холодной войне дал Зб. Бжезинский в одной из своих веховых статей 1972 года. Именно в те годы этот политолог, извлеченный на свет Д. Рокфеллером, одним из главных идейных и финансовых спонсоров Совета по внешним сношениям, обрел авторитет и стал регулярно выступать с программными разработками. Автор разделил исследуемые годы на периоды, оценивая в каждом устремления и сравнительные возможности соперников. *Ни в один из периодов Бжезинский не приписывает Москве завоевательных целей. Наоборот, он фанатично утверждает, что СССР в течение всего времени едва справлялся со своим наследием.*

В начальный период 1945–1947 годов Бжезинский отмечает неопределенность, царившую как в американских политических кругах, так и в советском руководстве. Впрочем, СССР был явно озабочен закреплением на обретенных позициях. Такое ощущение подтверждается беседой Дж. Бирнса с Молотовым осенью 1945 года. Американский госсекретарь сделал предложение, которое не имело продолжения. Упомянув «высказанные Генералиссимусом Сталиным опасения», как бы Германия не «использовала Польшу как плацдарм для нападения на Советский Союз» и «как бы Соединенные Штаты не замкнулись в своей скорлупе», он осторожно пообещал «рекомендовать Трумэну переговорить с лидерами конгресса о возможном договоре между США и СССР», хотя «американский народ, как правило, не заключает договоры с другими странами»¹⁵. На это недоверчивый Молотов бросил дипломатичное «интересно».

Предложение Бирнса, пускай и нереализованное, свидетельствует, что США были удовлетворены послевоенным статус-кво. И если Сталин так и не достиг большего в вопросе о Проливах, то США нарушили все договоренности и добились своего в Японии. *В результате войны американские обретения значительно превышали советские, а контроль США над целыми регионами мира и возможность их структурного подчинения имели несравненные глобальные параметры.* Именно об этом и говорит Бжезинский, сетуя, что США сразу после Ялты и Потсдама не попытались отбросить СССР и решительно опрокинуть Ялтинскую систему.

«Хотя Советский Союз вышел из войны с всеместно возросшим престижем. вкупе с максимально послушными и влиятельными коммунистическими партиями, игравшими ключевые роли в таких странах, как Франция и Италия, советские позиции в мире все еще значительно уступали Соединенным Штатам. Западное полушарие прочно находилось в американских руках; Африка и Ближний Восток были под политическим контролем американских союзников (при том, что американские экономические владения расширялись особенно быстро на Ближнем Востоке); южно-азиатская дуга все еще была частью Британской империи, одновременно Иран уже с 1946 года искал американской поддержки против Советского Союза; националистический Китай (гоминьдановский. — Н. Н.) стремился к консолидации своей власти; наконец, Япония была зоной исключительно американской оккупации»¹⁶.

Похожие выводы сделаны и в секретной аналитической записке советского внешнеполитического ведомства. В ней выделены общие тенденции политики США в мире и закрепление их позиций «через военные или экономические сферы по геополитическим кругам вокруг Евразии: по малому — Саудовская Аравия, Иран, Африка, и по большому — Южная Америка, Тихий океан, Япония»¹⁷. В этой оценке точно схвачена именно структурность глобального продвижения США. То, что названо большим и малым кругами экспансии, Бжезинский, проявивший склонность к картографическим пасьянсам, именуется похоже — «дугой».

Отсутствие намерений, тем более конкретных планов «завоевания Западной Европы», доказывает тот простой факт, что СССР, имевший на пике войны около 11,3 млн. солдат, провел масштабную демобилизацию, которая была вызвана экономической необходимостью, военными разрушениями и колоссальными людскими потерями. К 1947 году Советский Союз имел лишь 2,8 млн. человек под ружьем, хотя в силу определенных причин этот факт скрывал.

Бжезинский предполагает, что конфронтация между США и СССР выкристаллизовалась в течение следующей фазы — 1947–1952 гг., чему немало способствовало формирование консенсуса в пользу конфронтационного курса как в американских правящих кругах, так и советском руководстве, которое после введения сталинского террора нуждалось в атмосфере «осажденного лагеря».

Однако, по оценке Бжезинского, Советам опять было не до экспансии, ибо сам «осажденный лагерь» испытал ряд сотрясений — Чехословакия, Берлин, отход Югославии. В этот период отмечается быстрое наращивание советских вооруженных сил, способных компенсировать наличие атомной бомбы у США. Впрочем, в 1951 году у СССР уже появился небольшой собственный арсенал, равный приблизительно одной десятой американского. Хотя в этот период СССР

демонстрирует решительность и жесткость в ответе на вызовы, «эффективность его вооруженных сил ограничивалась лишь охраной советского политического доминирования в Восточной Европе — зоне, которая даже и не оспаривалась Западом активно» (выделено мной. — Н. Н.).

В целом, по мнению Бжезинского, этот период выиграли США. Началась реализация давно лелеяемых целей: организация зависимого экономического развития Западной Европы, оформление новой политической коалиции — НАТО, начало ускоренного вооружения США. Противодействие Советскому Союзу оказывалось на трех направлениях — Берлин, Корея и Югославия. Последняя благодаря амбициям Тито принесла выигрыш англосаксам в их стратегии не пустить СССР на Балканы.

Не лишено оснований предположение, что корейская война была продуманным шагом Сталина для того, чтобы надолго закрепить устойчивое американо-китайское противостояние. К тому же переход Кореи под контроль какой-либо державы, будь то Китай или США, противоречил интересам России. «Недоверие Сталина к Китаю, — пишет Бжезинский, — хорошо подтверждено документально, к тому же доминирующим стремлением США до корейской войны был поиск некоторого взаимопонимания с новыми правителями континентального Китая. В любом случае, Сталин должен был весьма положительно отнестись к возможности стимулировать лобовое столкновение между Америкой и Китаем, и не без оснований. Последующие 20 лет американо-китайской вражды были чистым выигрышем для СССР».

Анализируя следующий этап «холодной войны», Бжезинский признает, что именно США после прихода к власти республиканской администрации в 1952 году, первые и никем не спровоцированные, явно формулируют новую, еще более жесткую политику. Они отходят от стратегии «сдерживания» (containment) и объявляют наступательную «политику освобождения», нацеленную на «отбрасывание» (roll back) Советского Союза от его новообретенных «восточноевропейских сателлитов». Это явный передел ялтинско-потсдамского мира, и СССР имел все основания с беспокойством отнестись к такому изменению. Для него ситуация усугублялась серией внутренних кризисов, а также, как пишет Бжезинский, «заметным ослаблением способности эффективно осуществлять контроль над Восточной Европой — зоной, на которую теперь была открыто нацелена новая американская политика» (выделено мной. — Н. Н.).

В этот же период США не только в косвенной форме, но уже открыто поставили под сомнение ялтинско-потсдамский порядок в Азии. В ходе советско-японских переговоров в 1956 году они предъявили Японии ультиматум. В случае подписания ею мирного договора с СССР, в котором Япония согласилась бы

признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории СССР, США навечно сохраняют в своем владении острова Рюкю. В Памятной записке объявлялось, что США рассматривают Ялтинское соглашение «как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав», а не как окончательное решение или «какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Ревизия позиции США относилась и к Потсдамской декларации и Директиве генерала Макартура. По мнению США, «острова Эторофу и Кунасири (вместе с островами Хабомаи и Сикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда являлись частью собственно Японии и... должны быть признаны, как находящиеся под японским суверенитетом»¹⁸.

В этот же период США обретают стратегическую способность нанести существенный урон СССР. Наступательный характер политики Вашингтона подтверждал и огромный рост вооружений с ежегодными военными расходами в 30 млрд. долларов, и крестоносный пафос рыцарей «свободного мира».

Что же СССР? Сочетание внутренних и международных трудностей побудило советскую сторону инициировать ряд шагов, направленных на разрядку. Еще до смерти Сталина СССР постоянно давал понять, что готов рассмотреть объединение нейтральной Германии (концепция двух германских государств появилась гораздо позже). Однако такая Германия была не нужна США, и именно США поначалу опасались исхода свободных общегерманских выборов из-за пацифистских и нейтралистских настроений. Еще более серьезным шагом СССР стало подписание международного договора по Австрии и вывод оттуда войск. Было восстановлено некое взаимопонимание с Югославией, и в соответствии с «духом Женевы» (1955 г.) СССР и США совместно объявили о сокращении вооруженных сил.

Бжезинский весьма сожалеет, что США не подкрепили наступательную идеологию реальным наступлением и не стали добиваться успеха в ревизии европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но также Рузвельтом и Черчиллем. По его мнению, только пассивность США по отношению к кризису в Восточной Европе и вводу советских войск в Венгрию в 1956 году, а также очевидные разногласия западных союзников по Суэцкому кризису заложили новое противостояние вместо решительной победы Запада.

Бесспорно, мечтой изгнать СССР из Восточной Европы бредил не только Бжезинский. Однако пропандистское противостояние было куда решительнее, чем политическое, и США все еще придерживались договоренностей Ялты и Потсдама.

Новый период 1958–1963 годов Бжезинский весьма справедливо называет «преждевременным советским глобализмом». Новый советский лидер Н. Хрущев проводит более вызывающую политику. Если прежде СССР преувеличивал свою скромную

мощь только чтобы сдержать наступление США, то теперь советские лидеры стали раздувать свою мощь уже для подкрепления собственной наступательности¹⁹.

Итак, Зб. Бжезинский — чемпион антисоветизма и ведущий политолог Совета по международным отношениям — признает самым «наступательным» периодом советской политики не сталинские времена, а хрущевские. Идеологическая песнь Мао «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада» стала мотивом хрущевского глобализма — доктрины соединения силы стран социализма во главе с СССР, коммунистического и рабочего движения западных стран и национально-освободительного движения в странах третьего мира.

«Холодная война», бывшая делом советско-американских отношений, вернее, ее идеологическим фоном, переносится на весь мир. Резко возрастает вовлеченность СССР в разные конфликты и его помощь «антиимпериалистическим» силам: Ближний Восток, Конго, Северная Африка, Индонезия. Наконец, Хрущев дерзает войти в святая святых, вотчину доктрины Монро — Западное полушарие и начинает помогать Кубе. В 1961 году Хрущев произносит речь о «национально-освободительной борьбе», которая произвела на США то же впечатление, что за десять лет до того доктрина «освобождения» А. Даллеса — на СССР. Стороны обменялись посланиями.

После инцидента в бухте Кочинос Куба стала для США таким же символом позора в глазах мировой общественности, каким была Венгрия для СССР. Расправа над П. Лумумбой и вооруженные санкции ООН настроили против США немалое число развивающихся стран. Сами они ежегодно пополняли ряды ООН, и голосования там свидетельствовали, что США все больше и больше теряют международную поддержку.

Этим во многом объясняется наступательная стратегия СССР тех лет, однако она не затрагивала принципов ялтинско-потсдамского мира. В их пересмотре были заинтересованы США, которые и начали «холодную войну». Была ли она неизбежна в силу закономерностей мировой политики, когда весь мир стал единой ареной геополитической борьбы? Следует признать, что это так. Неизбежно было и превращение разгромленной и несамостоятельной Германии из объекта расчленения в инструмент разделения Европы.

Эфемерным оказался достигнутый в Ялте модус вивенди относительно Средиземного и Черного морей. Вопрос в Ливадийском дворце поднимался, но натолкнулся на упорное, хотя внешне благожелательное настояние Черчилля отложить его решение на будущее. Именно из-за Проливов в течение веков шли войны и разворачивались главные европейские интриги, и всегда за ними стояла Британия. Именно Черчилль играл главную скрипку в этих вопросах и в Тегеране, и в Ялте²⁰.

В стратегии Британии Проливы, Юго-Восточная Европа, Балканы и православные славяне ни в коем случае не должны были попасть в орбиту влияния России. Это точное воспроизведение Восточного вопроса ясно выявилось уже в Тегеране, где Сталин раскусил, что именно стоит за желанием Черчилля сложить новую мозаику из германских земель. У Черчилля описывает в мемуарах, как Сталин сразу возразил против соединения частей Германии с другими государствами, особо отметив, что следует «остерегаться включать австрийцев в какие-либо комбинации» и было бы в высшей степени неразумно создавать новые комбинации, будь то Дунайская или другие»²¹. После Ялты Восточный вопрос обсуждался на конференциях Совета министров иностранных дел в системе послевоенного урегулирования.

В секретной разработке 1944 года Государственный департамент США признает естественным, что СССР, «вероятно, будет сопротивляться созданию конфедераций, таких как проектируемые чехословацко-польским и греко-югославским пактами 1942 года». Авторы также пытаются прогнозировать намерения СССР в районах Проливов, Малой Азии, Персидского залива. Отмечается, что он проявляет «осторожность и готовность к компромиссу» в тех регионах, где, как в Турции и Иране, сильно представлены и другие интересы.

По мере того как роль СССР в разгроме Германии все возрастала, Сталин начал более настойчиво поднимать вопросы, чувствительные для партнеров. В конце переговоров «большой тройки» в Тегеране он заговорил о Дарданеллах и пересмотре Севрского договора с Турцией. Речь шла о возвращении Карса и Ардагана, полученных Россией по Берлинскому трактату 1878 года и оккупированных Турцией в 1918 году. Черчилль счел вопрос «несвоевременным», сославшись на свой план втянуть Турцию в войну. Он отреагировал общей фразой, что «русский военный и торговый флот будет бороздить океаны, и мы будем приветствовать появление русских кораблей»²². В Потсдаме Сталин вновь поднял тему проливов: «Если Вы считаете невозможным дать нам укрепленную позицию в Мраморном море, не могли бы мы иметь базу в Дедегаче?»²³ (греческий порт в Эгейском море неподалеку от турецкой границы). Черчилль вновь ограничился общими заверениями.

Схемы Черчилля по реструктуризации Балкан, похоже, не слишком увлекали американского президента. На переговорах «большой тройки» Рузвельт не проявлял ни инициативы, ни интереса к каким-либо «конфигурациям». В Тегеране он безучастно слушал обмен репликами Черчилля со Сталиным относительно Балкан. В Ялте его заметное равнодушие к деталям польского урегулирования и размещения советской базы в Порт-Артуре даже вызвало раздражение Черчилля: «Президент ведет себя очень плохо. Он не проявляет никакого интереса к тому, что мы пытаемся сделать»²⁴.

Едва отгремели пушки и настал черед дипломатических ристалищ, выявились истинные причины предшествующих политических маневров. Британские планы «правофлангового наступления на Балканы» и привлечения Турции в антигитлеровскую коалицию, переворот в Греции — все это требовалось для того, чтобы не позволить решить старый восточный вопрос в пользу России. Тем более неприемлемым было для США и Британии возвращение России отторгнутых Турцией в 1918 году Карса и Ардагана, о чем был поставлен вопрос на Ялтинской и Потсдамской конференциях²⁵.

Пока еще латентная «холодная война» уже разгоралась на дипломатических форумах по послевоенному урегулированию. Всего через полгода после Ялты на первой же сессии Совета министров иностранных дел осенью 1945 года начались позиционные дипломатические бои с участием В. Молотова, Государственного секретаря США Дж. Бирнса и министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина. Англосаксонская линия была очевидна и неизменна: ни в коем случае не пустить СССР на Балканы и в Средиземное море. Граница «зоны безопасности» СССР ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря. Ее надо было сдвинуть на Восток, полностью отделив Черное море от Южной Европы и оставив Средиземноморье под контролем англосаксов²⁶.

Эти цели Запад реализовал: все попытки СССР хотя бы мизинцем ухватиться за какой-либо пункт в Средиземном море были отбиты, Карс и Ардаган остались за Турцией. А впоследствии, в рамках доктрины Трумэна, южные рубежи СССР были окружены военными базами.

Вакуум в регионе Проливов, созданный в начале века разгромом Австро-германского блока и распадом Османской империи, а в 1945 году — разгромом фашистской Германии, мог быть заполнен только неподконтрольными или соперничающими с СССР силами. Впоследствии им предстояло влиться в НАТО.

Пограничные с Балканами территории — Румыния, Венгрия и Болгария, куда вошли русские войска, были вынужденно признаны частью зоны безопасности СССР. И он имел куда больше прав обеспечить себе «лояльное» правительство в бывших сателлитах гитлеровской Германии, чем, скажем, в Польше. Однако по сравнению с легкостью, с какой Запад сбросил польскую карту, жесточайшая борьба вокруг этих стран особенно впечатляет. Россию намеревались остановить на дальних подступах к Балканам и водным путям Европы, Дунайскому судоходству. (Для окончательного решения Восточного вопроса уже в конце XX столетия понадобилась оккупация Косова. С ним НАТО получило ключ к Вардаро-Моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом Проливов.)

В беседе В. М. Молотова с Э. Бевином наедине 23 сентября 1945 года карты открываются. Бевин

прямо говорит об осязаемых военных целях Британии и о пределе допустимого присутствия СССР в регионе. Что касается предложения СССР раздать союзникам на срок бывшие итальянские колонии в качестве подмандатных территорий, и в частности, Триполитанию — Советскому Союзу, Бевин прямо сослался на якобы данное Сталиным обещание не искать присутствия в Средиземном море: «Черчилль в свое время говорил, что в одной из бесед с ним Генералиссимус Сталин сказал, что у Советского Союза нет намерения двигаться в Средиземное море». Далее он поставил ребром вопрос о международных внутренних водных путях в Европе, четко указав, что «при установлении международного режима на водных путях Британскому правительству должно быть возвращено то, что было потеряно Великобританией во время войны».

В отношении Додеканесских островов Молотов признал, что оттягивает согласие о передаче их Греции лишь в процессе торга по общим параметрам: «Греция, конечно, получит эти острова. Но когда в Берлине Советская делегация поставила вопрос о советских базах в Константинополе, советские предложения были отклонены, а, между прочим, в прошлую мировую войну, Британское правительство обещало отдать Константинополь царскому правительству. Советское правительство на это не претендует (выделено мной. — Н. Н.).»

Почему Великобритания интересуется черноморскими проливами? Черное море — внутреннее море, и вместе с тем небезопасное для Советского Союза, как показала эта война... В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок. А когда мы поставили вопрос о том, чтобы нам дали хотя бы одну мандатную территорию в Средиземном море — Триполитанию, то сочли, что мы покушаемся на права Великобритании... Между тем Великобритания не может иметь монополии в Средиземном море... Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?» (выделено мной. — Н. Н.)

В ответ Бевин прямо излагает классическую двухсотлетнюю позицию Великобритании: «В вопросах присутствия в Средиземном море Британское правительство сильно опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части (выделено мной. — Н. Н.).»

Когда прозвучала Фултонская речь Черчилля, для Сталина, уже знакомого с докладом «О безопасности Британской империи» и дипломатическими баталиями в СМИД, эта речь, потрясая мир, была лишь завершающим пропагандистским хлопком. В Мраморное море «на неопределенный срок» уже собирался американский морской отряд особого назначения, состоящий из самого мощного в мировом флоте линкора «Миссури», двух новейших и мощнейших авианосцев, нескольких крейсеров и дюжины

эсминцев. Предлогом было сопровождение тела внезапно скончавшегося турецкого посла в Вашингтоне.

Заметим, что и в Ялте, и в Потсдаме Черчилль уклонился от ответа на вопрос Сталина о советской базе в Дарданеллах. Однако он сам пообещал пересмотреть в пользу СССР и черноморских стран Конвенцию о Черноморских проливах Монтре от 1936 года. Как показали последующие события, союзники и не думали исполнять обещанное. Даже продвижение сферы влияния СССР до Берлина не выглядело для англосаксов такой угрозой, как попытка возврата к итогам Берлинского конгресса 1878 года.

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР меньше, чем принято думать. Над ним висела постоянная необходимость сдерживать нелояльных поляков и венгров, которые куда более, чем немцы, мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом для нее было бы восстановление положений Берлинского трактата: Карс, Ардаган, беспрепятственный проход по Черноморским проливам, Прибалтика. Но именно этому воспротивились англосаксонские союзники СССР.

Смысл антигитлеровской коалиции, как и Антанты, был не только в разгроме Германии, но и в предупреждении серьезных обретений России.

Борьба СССР за сохранение германской государственности

Мировая наука о международных отношениях, и особенно советская, делает упор на противостояние СССР и блока западных держав во главе с США. Найдется мало исследований, показывающих, что многое из того, что сделано в Европе после Ялты и Потсдама, направлено было не только против СССР, но и на растворение германского потенциала. Это было одним из стержней британского геополитического мышления и британской «Realpolitik».

Именно Британия и в ялтинских переговорах, и в работе созданного в Потсдаме послевоенного механизма старалась устранить потенциал Германии к созданию из географической Центральной Европы — политической «Mitteleuropa».

На всех этапах — в Тегеране, Ялте и на сессиях СМИД 1946 года можно проследить потайной диалог между Сталиным и Черчиллем по этим вопросам. Инициатива исходила от британского премьера. Именно Черчилль предлагал «отделить Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден», чтобы эта группа «вросла в то, что он назвал бы Дунайской конфедерацией». Сталин сразу понял конечный замысел Черчилля: под видом расчленения Германии втянуть прилегающие к СССР балканские и славянские земли в собственные новые конфигурации — и напрямую спросил Черчилля, уж не планирует ли тот сделать и «Венгрию и Румынию членом какой-либо подобной комбинации»²⁷. Западногерманский историк Р. Римек полагает, что Сталин воспротивился плану «вовлечь Южную Европу, прежде всего балканских славян

в западный силовой ареал», вовсе не из-за идеи распространения коммунизма, «не потому, что хотел сделать Южную Европу коммунистической, а потому, что как любой русский государственный деятель и любой русский царь он обязан был противостоять таким западным устремлениям»²⁸.

Полезно было бы сегодняшним немцам узнать, как Британия старалась «упразднить» германскую историю в процессе реализации решений Ялты и Потсдама.

Прекращение существования гитлеровского рейха уже следовало из принципа полной и безоговорочной капитуляции. Но то, что происходило в различных союзных оккупационных структурах, говорит о стремлении Великобритании формализовать упразднение не гитлеровской, а исторической Германии, пользуясь шансом, который предоставлял крах нацизма. Речь идет о почти мистическом желании раздробления немцев, пронесенное через XX век со времен принца Эдуарда, об идее «упразднения», «ликвидации» «Прусского государства», которую британские делегации настойчиво ставили в повестку дня заседаний союзных органов второго уровня, минуя Совет министров иностранных дел. Его повестка согласовывалась на самом верху и таких вопросов не содержала.

В официальных заявлениях и США, и СССР поочередно заверяли в своей ориентации на сохранение мирной и демократической Германии. Документы демонстрируют, как Британия настойчиво стремилась придать некий особый смысл идее федерализации Германии, которая в лексиконе до 1944 года понималась как деление Германии. После того как план Генри Моргантау (полное расчленение немцев вплоть до присоединения кусков германской территории к другим государствам, интернационализация Рура), чуть не ставший после второй Квебекской конференции (1944) официальной позицией США и Великобритании, все же был отменен, «федерализация» обрела смысл внутрисоюзного устройства.

Все союзники, особенно европейские державы-победительницы, желали закрепить на длительное время и обретенные сферы влияния, и свою роль вершителей судеб мира. Все были заинтересованы в слабой, неспособной на новую агрессию и даже подконтрольной им Германии. СССР вовсе не представлял здесь исключения. Более того, в вопросах репараций истощенный и разрушенный СССР был настроен наиболее жестко. Однако настойчивость Британии в «упразднении Прусского государства» носила буквально религиозно-фанатический характер и явно уходила корнями в историческое мышление времен кайзеровской Германии и пира победителей в Версале, который и был предвестником будущей Второй мировой войны.

Советская делегация в целом тормозила принятие такого решения. В интерпретации советской стороны упразднению подлежало то германское

государство, что развязало Вторую мировую войну. Будущее немецкое государство не должно было стать «продолжателем личности» (континуитет в международном праве) нацистской империи, и это было обеспечено принципом полной и безоговорочной капитуляции, упраздняющей прежнее государство как субъект международного права. Британия же, неудовлетворенная крахом государственной машины гитлеризма, попыталась ликвидировать немцев как преемственного субъекта мировой истории. США были лояльны Британии, но, судя по документам, не были инициаторами.

Поскольку ни на одной из важнейших встреч в верхах, ни в Ялте, ни на Берлинской конференции вопрос об «упразднении Прусского государства» не ставился, британская делегация, судя по документам, пыталась незаметно ввести такую формулировку на уровне третьестепенных органов — в Комитете гражданской администрации Директората внутренних дел Контрольного совета. Стенограммы заседаний Директората внутренних дел, а также Политического директората Контрольного совета, куда Британия передала свой меморандум после того, как советская делегация уклонилась от принятия решения, весьма показательны. Британская делегация в расчете на неискушенность русских военных то доказывала, что «упразднение Прусского государства» — просто шаг по «реализации принципа децентрализации Германии, принятого на Ялтинской и Потсдамской конференциях», то, наоборот, делала широкие обобщения негативной роли Пруссии в немецкой истории и войнах Германии.

«Слово „пруссский“ имеет нарицательное значение во всем мире, и было бы значительным вкладом. указать в официальном заявлении об уничтожении Прусского государства», — настаивала британская делегация в Комитете гражданской администрации (КГА), представляя свой меморандум. — В течение двухсот лет Пруссия была угрозой для безопасности Европы. Продолжение существования Прусского государства, хотя бы только в названии может дать повод для ирредентистских притязаний, которые немецкий народ может в дальнейшем попытаться выдвинуть, может укрепить немецкие милитаристские тенденции, а также может способствовать возрождению авторитарной, централизованной Германии, что желательно предотвратить».

Бесхитростный в философии мировой истории советский генерал Курочкин «в принципе не возражал», но, будучи искушенным в политике, заявил, что вопрос относится к компетенции СМВД. Маршал Соколовский указал, что «упразднение» касается будущего государственного устройства и «должно решаться не Командующими зонами, а правительствами». Но яснее всего позиция советской делегации была выражена в Протоколе 31-го заседания КГА 31 мая 1946 года. СССР стоял за упразднение государственной машины гитлеровского рейха и полагал,

что «Прусское государство было уже уничтожено» безоговорочной капитуляцией, поэтому советской делегации не ясна целесообразность проекта». На следующем, 32-м заседании советский представитель прямо заявил, что «этот Комитет призван регулировать вопросы внутренней государственной структуры, а не уничтожать государства»²⁹.

Тем не менее Британия неустанно и поочередно представляла свой меморандум с законопроектом под следующим названием и с формулировками:

«... **Уничтожение государства Пруссии**».

«Поскольку желательно обеспечить децентрализацию политической структуры Германии. и уничтожить прусский дух».

«1. Государство Пруссия вместе с его центральным правительством и администрацией уничтожается».

Как свидетельствует Протокол заседания Координационного комитета, «утверждение закона было задержано советским представителем». Благодаря позиции советской делегации вопрос этот не продвинулся и в Политическом директорате и был передан в Контрольный совет. К этому времени Британия приступила к односторонним мерам по переименованию и реорганизации подконтрольных ей территорий. «Военная администрация в Германии Британской зоны контроля» издала указ, в котором «ввиду того, что центральное правительство и администрация Прусского государства (ланд Пройссен) фактически перестали существовать, и поскольку имеется намерение в будущем реорганизовать администрацию прусских территорий, расположенных в Британской зоне оккупации... приказывается следующее:

«1. ...провинции Прусского государства или его части, расположенные в британской зоне и поименованные в первой части приложенного списка, настоящим упраздняются как таковые... и будут носить названия, изложенные во второй части указанного списка...»³⁰.

На Контрольном совете проект был также отклонен. Маршал Дуглас представлял односторонние действия Британской стороны как «чисто административную меру», на что маршал Соколовский указал, что речь идет о «крупнейшем государственном вопросе, не записанном в решениях Берлинской конференции», который подлежит рассмотрению четырьмя державами». Американский генерал Макнарн с этим согласился³¹. Переданный на рассмотрение Совета министров иностранных дел этот вопрос так и потонул вместе со всем комплексом германской проблемы, которой суждено было стать линией раскола Европы.

Через несколько месяцев после Фултонской речи Черчилля накануне третьего совещания СМВД в Штутгарте прозвучала другая речь — Государственного секретаря США Джеймса Бирнса. Она была закодирована общедемократическими фразами куда больше, чем выступление герцога Мальборо, но отнюдь не в меньшей степени задавала вполне реаль-

ную политическую и геополитическую программу. В либеральную доктрину не вписывалось наложение ограничений на «демократическую Германию», ее надо было связать и растворить, а немцев перевоспитать. В значительной мере этой цели послужили панъевропейские и интеграционные процессы, инициированные параллельно с НАТО. США заявили, что не уйдут из Европы и делают ставку на Германию.

Буквально за три месяца до этой речи, во время второй сессии СМВД в Париже в мае 1946 года, Дж. Бирнс всячески делал вид, что продолжение союзнического сотрудничества еще возможно. Когда Молотов и Вышинский выразили удивление, что Черчилль выбрал именно США для выступления со своей Фултонской речью, «которая была не чем иным, как призывом к новой войне», Бирнс поспешил отмежеваться, сказав, что Черчилль выступал не как член британского правительства, а под свою ответственность, и прикинулся, будто «ни Бирнс, ни Трумэн не видели речи Черчилля заранее»³². Черчилль же описал в мемуарах, как показал заранее речь Бирнсу, «пришедшему от нее в восторг».

Подкупая немцев обещанием восстановления и процветания, на фоне чего СССР с его настойчивостью в репарациях выглядел жадным мстителем, США и особенно Великобритания на деле имели концепцию будущей Германии как несамостоятельного и непреемственного ко всей немецкой истории государства. Об этом свидетельствует Боннский договор 1952 года между США и созданной ими же ФРГ, по которому устанавливалось право США размещать на территории ФРГ вооруженные силы и изымалось у ФРГ право на мирное урегулирование. Этот договор не пересмотрен и после снятия четырехсторонней ответственности, объединения Германии и обретения ею полного суверенитета.

Речь Бирнса была программной. Хотя и косвенно, она задавала практически все параметры и направления политики, по которым готовился отход от союзнических обязательств и отношений и саботаж Ялты и Потсдамских соглашений.

США объявили ошибкой свое устранение от Европы после Версаля, которую они «никогда не совершат более»: «Мы намерены интересоваться делами Европы и всего мира. Мы помогли в организации Объединенных Наций, и мы намерены поддерживать Организацию Объединенных Наций всей мощью и ресурсами, которыми мы располагаем». Для Германии был сделан выбор в пользу пряника, который должен был приглушить горечь от утраты самостоятельности.

Они же дали свое толкование решений Потсдамской конференции о «децентрализации политической структуры»: задача, оказывается, состояла в том, чтобы «помешать учреждению правительства, господствовавшего бы над германским народом, вместо правительства, которое откликлось бы на его демократические желания».

Эти заявления не могли не оказать огромного воздействия на немцев, как и тот факт, что программная речь была озвучена не перед союзными структурами, а по германскому радио и адресована самим немцам. Британцы с их декларациями об «упразднении Прусского государства» померкли, и инициатива полностью перешла к Вашингтону. Вовсе не собираясь допустить возрождения самостоятельной Германии, он взял курс на связывание немцев в многосторонних структурах. Одновременно США стимулировали и реваншизм, который наряду с деморализацией и пацифизмом был также естествен в стране, потерпевшей крупнейшую национальную катастрофу и поплатившейся за свои необузданные амбиции очередной утратой не только захваченного, но и прежнего многовекового достояния.

В речи Бирнса уже содержалось первое отступление от четких решений Ялты и Потсдама. Она содержала намек на то, что линия Одер — Нейссе не являлась частью решений Берлинской конференции и подлежала дальнейшему урегулированию: «В отношении Силезии и других восточных районов Германии, передача их Россией Польше для целей управления состоялась до Потсдамской встречи». США придерживаются линии Керзона, но «размер территорий, передаваемых Польше, должен был быть определен при окончательном урегулировании, причем не только западных, но и восточных границ Польши», что подвергало сомнению статус Западной Украины.

Поворот в международных отношениях перешел в стадию открытого противоборства, и стержнем его стал раскол Европы и Германии, с превращением ее зон в инструмент политики.

Каковы же итоги XX столетия в свете решений и эпохального взаимодействия в Ялте?

На рубеже третьего тысячелетия Запад попытался совершить невиданную геополитическую трансформацию и не менее радикальную смену в всех основ международного права. Это был давний план, лелеяемый до удобного момента, когда Россия временно ослабеет и утратит ощущение своей геополитической миссии. Об этой программе заявил Зб. Бжезинский в одной из статей: «В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами».

Превращение Восточной Европы в Западную, а западных территорий исторического государства Российского в Восточную Европу стало звеном в системной геополитической стратегии США, что становится очевидным после последовательных захватов Ирака, Афганистана, появления американских баз в южном подбрюшии России, а также серии спонсированных цветных революций по периметру границ нынешней Российской Федерации. Именно эти цели ставил перед правительством США в качестве приза во Второй мировой войне Совет по международным

отношениям в сентябре 1941 года сразу после нападения Гитлера на СССР и начала «нацистско-большевистской войны» — «Военный результат этой войны может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива...

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами... В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»³³.

Вот цели, которые определили «холодную войну» сразу после Ялты, вот устремления, которые скрывались за ялтинским духом, а вовсе не мифическое желание СССР войти с танками в Западную Европу.

Ялта обеспечила мир, а передел мира в 1990-е годы обрушил бомбы на суверенные государства, породил «терроризм» как структурный элемент мировой политики, как средство изменения границ.

Столь масштабный подрыв под фарисейскими лозунгами стабильного миропорядка стал возможным, когда позднесоветская элита оказалась несостоятельной перед лицом внутренних и внешних системных кризисов. Партийно-советская номенклатура, как и народ, разочаровалась в коммунистической идеологии — но не как в инструменте развития собственной страны, а как в препятствии для собственного вхождения в мировую олигархию. Цена за место в ней была названа в эпоху Горбачева.

Сжимающиеся с тех пор «клещи» охватывают уже некоммунистическую Россию по некоей дуге — от Балтики к югу, затем отсекают ее от Черного и Каспийского бассейнов, поворачивают на восток и теряются в глубинах Центральной Азии. Американские базы развернуты там, где еще два века назад разворачивалась борьба за влияние. Фрагментированные и оккупированные (прямо или косвенно) атлантическими войсками Балканы, албанское Косово являются необходимым недостающим элементом «дунайской конфигурации», обеспечивающей англосаксонский контроль над всеми побережьями Западной Европы.

Кольцо вокруг России, которое попытались сформировать к концу 1990-х годов, еще не замкнуто лишь благодаря восстановлению национально-государственной воли и геополитической миссии России. Этот аспект возрождения России как самостоятельного субъекта политики располагает наибольшим консенсусом в российском обществе и имеет огромный морально-политический резерв.

Дуга вокруг России все еще может объединить не только традиционных оппонентов и геополитических соперников России, но и новообразованные государства из бывших частей исторического государства Российского. На этой дуге уже развернулись главные военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI века. Все ее элементы — Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия — уже стали объектом внутреннего и международного соперничества за втягивание их в евроатлантическую

«целостность». Она все еще себя мнит себя носителем «всемирной цивилизации», хотя динамику мировому развитию задает уже Азия.

Все это побуждает еще раз оценить общемировое величие предшествующей двухсотлетней работы России на ее рубежах. Не будучи сформулирована в какую-либо доктрину, она, тем не менее, обладала

такой интуитивной системной целостностью, которая выдерживала давление окружающих ее интересов и цивилизаций и побуждала их направлять свою энергию не на экспансию, а на поиск равновесия. Именно такая целостность, которую мы начали обретать, необходима сейчас России для того, чтобы достойно встретить вызовы XXI века.

- ¹ Тойнби А. Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 116.
- ² Brzezinski Z. *Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era*. N.Y., 1970. P. 283.
- ³ См. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.
- ⁴ Документ хранится в Архиве службы внешней разведки РФ, дело №43106 «Спецсообщения из Англии». См. также Царев О. И. СССР — Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941–1945 гг.). «Новая и новейшая история». №1. М., 1998 г.
- ⁵ Подробно об этом см. Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. М., 2007.
- ⁶ См. документы, публикуемые в настоящем сборнике.
- ⁷ Запись беседы тов. И. В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С. 145.
- ⁸ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С.119–123.
- ⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С. 125, 126, 131, 140–143.
- ¹⁰ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, док. №213, п. 25, л. 3.
- ¹¹ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, док. №212, п. 25, л. 7.
- ¹² См. Laughland John. *The Tainted Source. the Undemocratic Origins of the European Idea*. London: Little, Brown, 1997.
- ¹³ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, док. №212, п. 25, л. 4, 7, 4, 17, 26, 27–28, 29.
- ¹⁴ CIA Cold War Records. Selected Estimates on the Soviet Union. 1950–1959. History Staff Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Wash., D. C., 1993. P. 157, 169.
- ¹⁵ АВП РФ. Фонд 0431 (I), оп. 1, док. №18, п. 4, л. 25–26.
- ¹⁶ Brzezinski Zb. *How the Cold War Was Played*. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182–183.
- ¹⁷ АВП РФ. Фонд 0431 (II), оп. №2, док. №48, п. №11, л. 73–74.
- ¹⁸ Тихвинский С. Л. Россия — Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 104–107.
- ¹⁹ Brzezinski Zb. *How the Cold War was Played*. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182–183.
- ²⁰ См. подробно: Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. М., 2007.
- ²¹ Gilbert Martin. *Winston S. Churchill. Volume VII. The Road to Victory. 1941–1945*. Boston., 1986. P. 575.
- ²² Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается. М., 1955. С. 375.
- ²³ Gilbert M. *Never Despair*. Winston S. Churchill. 1945–1965. London, 1988. P. 93.
- ²⁴ Gilbert M. *Winston S. Churchill. Volume VII. The Road to Victory. 1941–1945*. Boston., 1986. P. 1210.
- ²⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). Сборник документов. М., 1945. С. 159.
- ²⁶ Подробно о переговорах см. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005; Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. М., 2007.
- ²⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается... С. 392, 393, 394.
- ²⁸ Riemeck R. *Bilanz eines Jahrhunderts*. Stuttgart, 1997. S. 177.
- ²⁹ АВПР. Фонд 0431 (III), оп. 3, док. №19, п. 4, л. 100, 103, 110.
- ³⁰ Подробно см. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.
- ³¹ Там же.
- ³² АВП РФ. Фонд 0431 (III), оп. 3, док. №19, п. 4, л. 120–132, 137. АВП РФ. Фонд 0431 (II), оп. №2, док. №22, п. №5, л. 30.
- ³³ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4. док. №213, п. 25, л. 3.